

УДК: 93/94

DOI: 10.25629/НС.2023.07.06

И.С. ТУРГЕНЕВ И Н.В. СТАНКЕВИЧ. ИСТОРИЯ ЗНАКОМСТВА**Ноздрин Д.М.**

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

АННОТАЦИЯ

В статье, на основании мемуарных, эпистолярных и литературных источников прослеживается история знакомства молодого И.С. Тургенева студенческих лет с Н.В. Станкевичем. Об их встречах и влиянии, которое оказал Станкевич на становление Тургенева-личности и Тургенева-писателя пойдет речь в данной статье.

Структура статьи строится по географическому принципу – 3 места встречи – 3 части. Известно, что Тургенев и Станкевич встречались в Москве, в Берлине и в Риме в разное время, в разном обществе и разных обстоятельствах. В Москве, когда вундеркинд Тургенев оканчивал первый подготовительный курс университета, Станкевич завершал свое обучение. Второй раз их дороги пересеклись через несколько лет, когда Тургенев, окончив филологический факультет Санкт-Петербургского университета, поехал изучать философию в Берлин. Годом ранее туда же, чтобы поправить свое здоровье, вынужден был приехать Станкевич. Виделись они на вечерах у четы Фроловых. Тургенев выступал там в роли молчаливого слушателя. Грановский и Станкевич, не находя в нём достойного собеседника, держались от него на некоторой дистанции. Сближение, наконец, состоялась в Риме на вечерах у Ховриных. Станкевич, которому оставалось жить меньше полугода, на этот раз сумел разглядеть способности в молодом Тургеневе. Николай во время прогулок среди древних катакомб, памятников архитектуры и скульптуры делился с Иваном своими познаниями в древней истории, философии и своим живым взглядом на искусство. Эти несколько встреч обогатили еще незрелого Тургенева и стали поворотной точкой в его судьбе. Тем сильнее было его потрясение, вызванное скорой кончиной 26-летнего Станкевича.

В заключении приводится рассуждение о роли не сумевшего оставить после себя богатого литературного и философского наследия Станкевича в судьбе его товарищей и том влиянии личности, которое он сумел оказать на молодого Тургенева всего за несколько встреч.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

И.С. Тургенев, Н.В. Станкевич, Т.Н. Грановский, Я.М. Неверов, Московский университет в начале 30-х XIX века, кружок Станкевича, Берлинский университет конца 30-х, салон Фроловых, прогрессивная молодежь 30-х годов XIX века, семейство Ховриных.

... будь здоров, светел и смотри на всё *sub specie aeternitatis*.¹

Из последнего письма Н. Станкевича М. Бакунину.

ВВЕДЕНИЕ

Когда, не дожив до 27 лет, умер Станкевич вокруг его личности в среде литераторов началась полемика. Одни считали, что, в сущности, он после себя ничего не оставил – несколько стихотворений, обрывки прозы, одна юношеская трагедия, недоконченные философские опусы. Его жизнь не ознаменована никакими большими свершениями, а его влияние на своё

¹ С точки зрения вечности.

окружение впоследствии преувеличили [3, с. 6-8]. Другие Станкевича защищают. «Гораздо важнее литературной деятельности Станкевича были его сердце и мысль,» – пишет в биографическом очерке П.В. Анненков [2, с.6-8]. В достаточной полноте сохранилась переписка Николая Владимировича. По ней мы можем с большей или меньшей достоверностью проследить путь его духовных исканий и размышлений. Из неё мы узнаём, что жизнь Станкевича не столько в его трудах, сколько в непрерывном нравственном развитии, постоянном поиске подлинных смыслов. Отсюда его кажущаяся дилетантизмом частая смена деятельности – то он поэт, то он историк, то философ. Главный талант Станкевича-человека – умение разглядеть в ближнем лучшее и направить его в нужное русло. В этом смысле, выражаясь современным языком, его можно было бы назвать успешным менеджером. В письмах прослеживается, как Станкевич с каждым собеседником общается на его языке – с Бакуниным – на языке политики и философии, с Грановским – на языке истории и философии, с Любой Бакуниной – на языке любви. Это не от желания всем понравиться, а от искреннего стремления поставить себя на место человека, прочувствовать, понять, осмыслить другого. В каждом случае читателя поражает его пронизательность. «Если б каждый из нас, вместо человека, стал человечеством – не о чем печалиться,» [7, с. 526] – так он видит формулу Канта. В «своей метафизике» Николай Владимирович оставляет человеку одно средство совершенствования – приближение ко всеобщей жизни [4, с. 28]. Еще одним вытекающим из предыдущего свойством натуры Николая Станкевича был его неподдельный идеализм. Он воспринимает стихотворение Шиллера «Отречение»² как программу, как закон: «Zwei Blumen – Hoffnung und Genuß...³ Без первого, без надежды, по крайней мере, без сознания правоты своей, для меня нет счастья; следовательно, другого цветка я не должен срывать.» [4, с. 33] Слово для него неотделимо от действия. Он живет как бы на грани между фантазией, вымыслом и реальностью. Отсюда частые лирические и философские отступления в его письмах. Нет сомнения, что в жизни Николай Станкевич был именно таким и таким же запомнился всем, кто его хорошо знал. Перерасти свой романтизм или «повзрослеть» Станкевич либо не смог, либо просто не успел.

Об истории знакомства и о том, «бесконечном и благотворном», по выражению Грановского, [9, с. 404] влиянии, которое оказал Станкевич на молодого студента Тургенева, пойдет речь в настоящей статье.

МОСКВА

Знакомство Тургенева и Станкевича началось еще в Московском университете, когда первый 15-летним проходил подготовительный курс, а второй уже заканчивал своё обучение. Об этом факте Станкевич упомянул в одном из писем [7, с. 64]. В кружке последнего, однако, Тургенев не состоял, он был тогда слишком молод. В своих воспоминаниях Иван Сергеевич даже пишет, что их первое знакомство состоялось только в Берлине [11, с. 360]. Вероятно, Тургенев в те годы вёл себя как рассказчик из «Андрея Колосова», у которого, кроме дяди, в Москве не было родственников, и, который никуда не ходил, даже избегал знакомства с родителями университетских товарищей [10, с. 9]. Станкевич в это время собирал вокруг себя молодых людей и, находясь под влиянием профессора М.Г. Павлова, всерьёз увлекался философией Шеллинга. Не менее важную роль в его судьбе сыграл почитатель Шиллера профессор Надеждин, который читал в университете лекции по истории искусства. Именно он развил в молодом и пока еще сочиняющем стихи Станкевиче чуткость к прекрасному. Философский кружок Станкевича отнюдь не был праздным местом для проведения досуга. Наоборот, Станкевич обращал молодежь к серьезному труду, ободрял в неудачах, утешал в горе, давал ценные советы и указания в литературных и научных занятиях [2, с. XXV-XXVI]. Примерно в то время он писал: «я не убью всю жизнь на рысканье по балам...» [40, с. 31] Ели на этих встречах, по воспоминаниям К. Аксакова, в основном, хлеб, а пили, в основном, чай [1, с. 27]. Веселью они предавались, но тоже непраздному – пели песни, восхищались ранними повестями Гоголя [Там же]. Таким образом, может возникнуть ощущение, что и вся среда Московского университета

² В немецком оригинале «Resignation».

³ (нем.) Два цветка – надежда и наслаждение.

тех лет, в котором одновременно учились Станкевич, К. Аксаков, Герцен, Гончаров и Тургенев была пропитана возвышенными устремлениями молодых людей и, как пишет Н.С. Тихонравов [13, с. 602], не могла не оказать на молодого Ивана благотворное влияние. Если, однако, обратиться к воспоминаниям И.А. Гончарова, нарисуеться несколько другая картина. Корпорации, товарищества студентов в то время еще не сложилось. Молодежь ходила в университет как на службу. Студиозусы делились на кружки, группы, и, ежедневно собираясь в одной аудитории, могли быть даже не знакомы друг с другом [6, с. 171]. Немногочисленные и отрывочные источники свидетельствуют скорее о том, что это как раз случай Тургенева. Даже по тогдашним меркам ещё зелёный Иван если и познакомился в Москве со Станкевичем, в его философский кружок входил он точно не был. Поэтому неудивительно, что он об этом знакомстве впоследствии запамятовал. У него был в университете свой круг товарищей (например, упомянутые в «Мемориале» Курдюмов и Атабеков), [12, с. 197] но это общение, вероятно, прервалось с его переводом в Петербург на филологический факультет университета.

БЕРЛИН

Четыре года спустя в Берлине, когда Грановский решил познакомить Тургенева со своим добрым приятелем Николаем, оба достаточно сильно изменились. Оставшийся без отца Тургенев, уже пройдя курс в Петербургском университете, успел попробовать себя в творчестве – сочинил несколько незрелых стихов и написал раскритикованную его наставником Плетневым юношескую трагедию «Стено». Тургенев, как он вспоминал позднее, решил рискнуть и бросился головой вниз в «немецкое море» с надеждой, что другая среда его очистит и обновит [12, с. 8]. Станкевич же стихи писать уже перестал, но философию до Гегеля включительно изучил основательно, кроме того, углубился в познании истории и искусства. И хотя разница в возрасте между ними теперь была не столь значительна, Станкевич в нравственном отношении был неизмеримо выше молодого Ивана Сергеевича. Тургенев вспоминал, что помимо уважения испытывал к нему тогда нечто вроде боязни, источником которой было осознание собственной недостойности и лживости [11, с. 360], поэтому и в Берлине близко они не сошлись. Стоит отметить, что и в Московском университете, и в Петербургском, и в Берлине Тургенев был младшим среди своих товарищей. Отсюда, вероятно, его неиссякаемое желание учиться и очень долгое становление в нём цельной личности и писателя-профессионала. Грановский, Неверов, Станкевич, Тургенев встречались на вечерах у четы Фроловых. Географ и издатель Николай Григорьевич тоже проходил в Берлине курсы по философии. А его жена организовывала литературно-философский салон. Муж по вечерам разливал чай, а Елизавета Павловна, уже немолодая и походившая скорее на очень умную француженку женщина – *un peu de l'ancien régime*⁴ – по словам Тургенева, создавала вокруг себя уютную атмосферу непринужденности, и молодые люди беседовали, оставаясь иногда даже до поздней ночи [11, с. 361]. Елизавета Павловна, хотя не была красавицей и болела чахоткой, от которой умерла через несколько лет, привлекала молодых людей своим тонким женским умом и грацией. На вечерах у Фроловой собиралась достаточно разношёрстная публика. Помимо русских студентов, у неё бывал знаменитый естествоиспытатель Александр Гумбольдт, писатель и дипломат Фарнгаген фон Энзе, профессор философии Вердер и собеседница Гёте Беттина фон Арним. Последняя Фролову побаивалась, но, когда хотела, Елизавета Павловна умела быть «чрезвычайно блестящей в разговоре» [11, с. 366]. Сдружился с ней и Станкевич, с которым они легко сошлись во мнениях. Тургенев тоже посещал салон Фроловой, но он, как вспоминал позднее, «ходил туда молчать, разиня рот, и слушать.» [11, с. 361] Для него, видимо, общество именитых иностранцев тогда еще было в новинку. Фролова ему запомнилась своей наблюдательностью и пониманием людей. Но к ведению серьезной беседы в её обществе Тургенев был пока ещё не готов. Поэтому и тут, как выяснилось, сближение со Станкевичем не состоялось – он и товарищи Тургенева в свои разговоры посвящать не стремились. Философские беседы Станкевич у Фроловой не вёл, а в гости к себе приглашал, в основном, своих друзей Неверова и Грановского.

⁴ Немножко старорежимную (франц.).

РИМ

Познакомиться покороче им удалось ещё полтора года спустя в начале 1840 года в Риме. Каждый вечер они проводили в обществе Ховриных. У отставного гусара и известной московской барыни Марьи Дмитриевны было две дочери, старшую из которых Александру ласково называли «Шушу». К Ховриным, помимо наших знакомых, регулярно ходит друг Ф. Листа польский пианист Бригинский, художник Марков и еще один русский путешественник Ефремов. Снова на короткое время образуется нечто вроде кружка. В Италии будущий писатель открывает для себя скульптуру, всерьёз увлекается живописью, берет уроки рисования у художника Рунда [7, с. 687] и делает даже некоторые успехи. В одном из писем Станкевич отмечает способности Тургенева и его доброту [Там же, с. 685]. Однажды у Ховриных Иван весь вечер проговорил о живописи и о своей страсти к ней [Там же, с. 687]. Он любит пофантазировать, увлекается Шушу. О своём чувстве к молодой девушке, выраженном стихотворением, Тургенев чуть позже поделится в одном из писем со Станкевичем [9, с. 151]. А пока в обществе Ефремова и Станкевича он гуляет по окрестностям Рима, рассматривая древние памятники. Ранее чуждавшийся Тургенева Станкевич теперь ведет с ним непринужденную беседу. Станкевич, сам лишенный всякой склонности к фразе, подмечает её в Тургеневе и несколько раз его осаживает. Любивший щегольнуть латинской цитатой или строчкой из Жуковского Тургенев подчас делает это по привычке, не подумав, в пустоту. «Зачем Вы это сделали?» – после одной из таких громких фраз, приравнивая слова к поступку, Станкевич спрашивает Тургенева [11, с. 363-364]. Неизвестно, он это делал интуитивно или осознанно, заметив в молодом весельчаке дар художника слова. Как бы то ни было, Станкевич, по признанию Тургенева, обогатил его уделом полноты – тишиной [9, с. 163]. Уже тогда обладавший обширнейшим культурным багажом Тургенев начал внимательнее относиться к словам. В вопросе Станкевича звучит подмеченная Грановским склонность к рефлексии [8, с. 163], которую, вполне вероятно, Тургенев у Станкевича перенял. Таким образом, на короткое время Николай стал негласным наставником Ивана. Однажды, когда они поднимались по лестнице в квартиру Ховриных, Станкевич начал читать стихотворение Пушкина «Предчувствие»:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...

- читал Станкевич своим тихим голосом и вдруг остановился, кашлянул и поднес платок к губам – на платке показалась кровь... Он улыбнулся и продолжил читать [11, с. 363]. В этой сцене весь Станкевич. Он, как и Тургенев, был артист (в том числе и буквально – часто разыгрывал друзей, делал сценки и играл, например, с Шушу на фортепиано в четыре руки), но в нем тогда было неизмеримо больше правды, не было наигранности, он проживал каждую мысль, каждое сказанное слово. И хотя старость Станкевичу не грозила, он был мудр не по годам. Пастернак в своих стихах улавливает это состояние:

Но старость – это Рим, который
Взамен турусов и колёс
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьёз.

Вскоре Тургенев вернулся в Берлин, а Станкевич, чувствуя улучшение своего здоровья и намереваясь провести лето на озере Комо, отправился на север Италии. Через несколько месяцев он неожиданно скончался в дороге. Товарищей постигло великое несчастье. Для русских студентов, да и для профессора Вердера, Станкевич был первым по одаренности, был их гордостью и надеждой. «Ему ли умереть?... ..Зачем на земле может гибнуть и страдать прекрасное?» – вопрошал Тургенев в письме Грановскому [9, с. 156-158]. Этот вопрос станет лейтмотивом многих последующих его произведений. Станкевич так и не успел стать Тургеневу таким же близким другом, каким был для Грановского, для которого впоследствии он, как

сёстры, «ежедневно умирал снова.» [8, с. 161] Но сильное нравственное влияние эти несколько коротких и вместе с тем насыщенных встреч на молодого человека оказали, несомненно. «Начало развития моей души!» [9, с. 163] – такое определение находит Тургенев перевероту, произошедшему в нём после мимолетного знакомства со Станкевичем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве заключения – ещё несколько слов к полемике о Станкевиче. Действительно, многие его творческие планы остались нереализованными. Он не успел написать свою историю философии и, возможно, много других важных и полезных работ, не поспевал просто-напросто за своими идеями. Он, как писал Тургенев, готовился посвятить себя труду, необходимому для России [9, с. 156]. Однако, свою короткую жизнь он точно прожил не даром. Доказательством, что его стремления не были напрасны, могут служить хотя бы судьбы его товарищей – Грановского и Неверова, которые, давшие ему обещание все свои силы и всю свою деятельность посвятить образованию в России [5, с. 419], с честью его выполнили. Первый стал гордостью Московского университета, а второй всю свою долгую жизнь проработал в образовательных учреждениях. В статье ещё не был упомянут открытый Станкевичем поэт Кольцов и его «неистовый ученик» Белинский. Сколько же впоследствии сделает для русской культуры и просвещения Иван Тургенев, не знал во время их встреч ни Станкевич, ни, возможно, 21-летний он сам. А пока Тургенев призывает Грановского не унывать, а стать, наоборот, теснее: «один из наших упал, быть может, лучший. Но возникают, возникнут другие; рука бога не перестаёт сеять в души зародыши великих стремлений, и, рано ли, поздно – свет победит тьму.» [9, с. 158]

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аксаков К.С. Воспоминания студентства 1832-1835 гг. СПб. 1911. 44 с.
2. Анненков П.В. Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография. М. 1857. 643 с.
3. Добролюбов Н.А. Н.В. Станкевич // Сочинения Н.А. Добролюбова. 1836-1861 г. СПб: Ред. журн. «Пробуждение», 1911. С. 3-28.
4. Нелидов Ф. Ф. Западники 40-х годов: Н.В. Станкевич, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский и др. / Сост. Ф.Ф. Нелидов. – М. 1910. – LX, 272 с.
5. Неверов Я.М. И. С. Тургенев в воспоминаниях его университетского товарища Я.М. Неверова. // Русская старина. СПб. 1883. С. 417-422.
6. Гончаров И.А. Воспоминания в университете. // Московский университет в воспоминаниях современников (1755-1917). / [вступ. ст. Ю. Емельянова] – М. 1989. С.144-172.
7. Станкевич Н.В. Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830-1840 / Ред., [предисл.] и изд. Алексея Станкевича. – М. 1914. X, 787 с.
8. Т. Н. Грановский и его переписка. – М. 1897.
Т. 2: Переписка Т. Н. Грановского. Т. 2. – 1897. – 496 с.
9. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.: сочинения: в 12 т.: письма: в 18 т. / И. С. Тургенев; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редакционная коллегия: М. П. Алексеев (главный редактор) и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1978.
Т. 1: Письма: Т. 1: 1831-1849. 1982. 607 с.
10. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.: сочинения: в 12 т.: письма: в 18 т. / И. С. Тургенев; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редакционная коллегия: М. П. Алексеев (главный редактор) и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1978.
Т. 4: Сочинения: Т. 4: Повести и рассказы: Статьи и рецензии: 1844-1854. – 1980. – 687 с.

11. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.: сочинения: в 12 т.: письма: в 18 т. / И. С. Тургенев; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редакционная коллегия: М. П. Алексеев (главный редактор) и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1978.

Т. 5: Сочинения: Т. 5: Повести и рассказы 1853-1857 годов: Рудин. Статьи и воспоминания: 1855-1859. 1980. 543 с.

12. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.: сочинения: в 12 т.: письма: в 18 т. / И. С. Тургенев; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редакционная коллегия: М. П. Алексеев (главный редактор) и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Наука, 1978.

Т. 11: Сочинения: Т. 11: "Литературные и житейские воспоминания": 1854-1883: Биографические очерки и некрологи: 1856-1877: Автобиографические материалы: 1850-1883: Незавершенные замыслы и наброски: 1840-е гг.-1883. – 1983. – 527 с.

13. Тихонравов – Н.С. Тихонравов. Сочинения. М. 1898. С. 585-602.

I.S. TURGENEV AND N.V. STANKEVICH. HISTORY OF ACQUAINTANCE

Nozdrin D.M.

Lomonosov Moscow State University

ABSTRACT

The article, based on memoirs, epistolary and artistic sources, observes the history of acquaintance between young student I. Turgenev and N. Stankevich. The article focuses on their meetings and the Stankevich's influence on Turgenev as a person and as the future writer.

The structure is based on the geographical principle – 3 places of meetings – 3 chapters. It's known that Turgenev and Stankevich met in Moscow, in Berlin and in Rome. For the first time they met both being Moscow University students. Another time their paths crossed in few years, when Turgenev, after graduation from the philological faculty of the St. Petersburg University, went to study philosophy in Berlin. Stankevich also went there to study. In addition, in Europe he aimed to improve his health. Turgenev and Stankevich met visiting the apartment of the Frolovy. Turgenev played there a role of a silent listener. At that time Granovsky and Stankevich didn't find a worthy interlocutor in him and kept a certain distance from him. The third chapter of their relationships took place in Rome, in the apartment of the Khovriny. Stankevich this time managed to discern abilities in the young Turgenev. Stankevich, during frequent walkings among ancient monuments shared with Turgenev his knowledge of ancient history, philosophy and his fresh look on art. These several meetings enriched yet immature Turgenev and became a turning point in his destiny. The more was his shock, caused by early death of 26-year-old Stankevich.

In conclusion the reflection on the significance of the role of Stankevich is given again. He didn't leave a meaningful literary or philosophical legacy, but influence of his personality on his circle and, in particular, on yet immature Turgenev is difficult to overestimate.

KEYWORDS

Turgenev, Stankevich, Granovsky, Neverov, Moscow University in the 1830s, the Stankevich circle, the University of Berlin, The Frolovy salon, the progressive youth of 1830s, The Khovriny.